

Гуня Алексей Николаевич

Старший научный сотрудник Института географии РАН

Доктор географических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва), профессор Северокавказской высшей школы конфликтологии (Нальчик).

Межгрупповые отношения и конфликты идентичностей: стереотипы и реальности на примере Северного Кавказа

Аннотация. Северный Кавказ является одним из четырех важнейших шовных зон на периферии российского культурного пространства, где происходят интенсивные идентичностные и ценностные взаимодействия и конфликты. Его положительный и отрицательный опыт регулирования межгрупповых отношений и конфликтов идентичностей имеет большое значение для всей России. Использованию богатого опыта этого региона в области медиаторства, межнациональных и межконфессиональных отношений, регулирования конфликтов мешает конструирование, в первую очередь, в средствах массовой информации, ложных представлений и негативного имиджа Северного Кавказа. Ключевые слова: Идентичность, конфликт, этническая идентичность, стратегические группы.

1. Введение.

Российское государство формировалось и развивалось как полиэтническое и поликультурное. На разных исторических этапах территория России и его ядра – Центральной России, где происходили сложные культурные процессы формирования российской идентичности, – менялась: периоды расширения чередовались периодами сокращения. В настоящее время выделяются четыре основные пограничные шовные зоны, в которых происходит бурное смешение культур и языков с русским православным ареалом:

1. Западноевропейская католическая и протестантская модернистская. На периферии этой шовной зоны происходят идентичностные и ценностные конфликты. Восточная Украина – пример выплеска насилия в этих конфликтах;

2. Юго-Восточная на границе со Средней Азией и Китаем. В настоящее время наибольшую динамику в процессы образования идентичностей и межгрупповых отношений вносят миграционные процессы. Китайская часть этой шовной зоны находится пока в «спящей» стадии, но потенциально взрывоопасной вследствие крайне неравномерного распределения населения на российской и китайской сторонах границы.

3. Южная кавказская традиционалистская. Северный Кавказ является частью России, но благодаря высокой миграционной способности населения и яркими особенностями традиционных культур и ценностей северокавказцев, южная шовная зона характеризуется особой интенсивностью процессов образования идентичностей и межгрупповых конфликтов.

4. Внутренняя, российская, представленная как Поволжьем с его пестрым этнокультурным и конфессиональным составом, так и Москвой и Санкт-Петербургом со значительной долей мигрантов.

В данной статье автор остановится на характеристике межгрупповых отношений и конфликтов идентичностей в южной кавказской шовной зоне.

2. Северный Кавказ и его место в поликультурной и полиэтничной России.

Северный Кавказ занимает менее 1% территории России, однако в политическом, демографическом и этнокультурном отношении «вес» Северного Кавказа для России, несомненно, больше. Еще недавно Северный Кавказ воспринимался в сознании людей как гостеприимный регион, где многие любили проводить отпуска. В последние десятилетия имидж Северного Кавказа стал резко отрицательным как вследствие объективных причин (войны, конфликты, неблагоприятная криминальная обстановка и др.), так и вследствие искусственного формирования отрицательного имиджа. Определенным политическим силам было выгодно конструировать и поддерживать этот имидж. Как отмечают Колосов В.А. и Себенцов А.Б. (2014)¹, северокавказский дискурс приобрел важное звучание в российской политике. Главная причина согласно официальной точкой зрения в событиях на Северном Кавказе -

---

¹ Колосов В.А., Себенцов А.Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис. 2014. №2. С. 146—163.

международный террористический интернационал вместе с проблемами экономики и управления. Противоположная точка зрения – либеральная. Либеральный дискурс возлагает ответственность за эскалацию насилия в регионе на власть, а точнее – на федеральные и местные власти, которые прикрываются лозунгами «глобальной войны с терроризмом», чтобы оправдывать свою репрессивную политику. Что же является преувеличенным и что на самом деле собой представляет Северный Кавказ в общем российском пространстве?

Во-первых, следует подчеркнуть, что научный подход к анализу ситуации на Северном Кавказе и, в частности, к оценке конфликтов, отличается от подхода, практикуемого средствами массовой информации. Так, понятие конфликта в области социальных наук характеризует его как явление, присущее любым социальным системам. Из этого следует, что конфликты бессмысленно устранять, их нужно эффективно регулировать. Во-вторых, необходимо вести постоянную работу по развенчиванию постоянно создаваемых и навязываемых мифов и преувеличенных суждений о современном Северном Кавказе. Следует выделить следующие мифы о Северном Кавказе:

а) **Северный Кавказ как некий единый регион** – наиболее распространенное мнение. В реальности, разнообразие Северного Кавказа, его языков, традиций, религий не имеет аналогов в Европе. Даже конфедеративная Швейцария с ее четырьмя государственными языками не сравнится по разнообразию языков на единицу площади. С запада на восток на Северном Кавказе усиливается аграрность, увеличиваются доля мусульманского населения, разнообразие языков и этносов, вершиной которого является Дагестан.

б) **Миф об этнических конфликтах** на Северном Кавказе. Разделение народов Северного Кавказа на национальности и этнические группы, произведенное и закрепленное в советское время долгое время служило отправной точкой для объяснения современных процессов. Это в значительной степени тормозило изучение роли других факторов в имеющихся конфликтах. Лишь в последнее время, благодаря усилиям антропологов, критике подверглись стереотипы о нациях и этносах, доставшихся с советской эпохи,

как некоей «вынужденной идентичности»². Было бы поверхностным оценивать все имеющиеся на Северном Кавказе конфликты как межэтнические. Новейшие результаты исследований на Северном Кавказе показали, что важную роль в современной социально-политической ситуации играют родственные и профессионально-клановые объединения³. Семейно-родственные связи играют ключевую роль в узурпации власти, организации бизнеса, политическом предпринимательстве. Однако с другой стороны, было бы преждевременным сбрасывать этнический фактор со счетов, поскольку он до сих пор служит той «разменной монетой» для политических спекуляций. В контексте изучения конфликтов и насилия этническая принадлежность является для лидеров этнических групп средством мобилизации населения. Часто хорошая финансовая поддержка может помочь в возникновении новой этнической группы, которая ранее о себе не заявляла и считалась частью другой более обширной этнической группы. Оперирование этничностью прямо связано с борьбой за контроль над дефиницией, за то, что составляет отличия от других групп⁴.

в) **Неуправляемый Северный Кавказ.** Анализ современных политических систем и стратегий управления на Северном Кавказе представлен в научной литературе в основном с точки зрения «демократизации» и сравнения с некой идеализированной моделью, под которой понимается западная либерально-демократическая модель. Часто причины кризисов в экономике и затяжных конфликтов на Кавказе связываются с тем, что нынешние политические режимы еще далеки от этой модели. «Демократический» дискурс затеняет ряд фактов из новейшей истории развития северокавказских регионов. Северный Кавказ прошел суровые 1990-е годы и вступил в новое тысячелетие. При этом удалось в целом (за исключением, Чечни) избежать анархии и беспорядка, дезинтеграции, голода, массового исхода людей. Более того, во многих областях социально-политической и экономической жизни наблюдается явный подъем. Несмотря на известные «болезни» местных сообществ – коррупцию, высокий уровень дотаций, несовершенство выборных механизмов, цензуру в

---

² Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Москва. Наука, 2003.

³ Yemelianova Galina M. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies. Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. Ethnicities, Vol. 5(1). PP. 51-82.

⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Москва. Наука, 2003.

средствах массовой информации и др., наблюдаются устойчивые образцы взаимодействия населения и власти, обеспечивающие определенную легитимность власти. Такое взаимодействие осуществляется далеко не всегда на основе известных механизмов, принятых в модели либеральной демократии (выборы, референдумы и др.). Часто, наоборот, выборы, референдумы и т.д., являются фарсом. Более глубокие и неформальные механизмы влияния на власть и ее легитимность исследованы слабо. К тому же сами понятия власти и ее функций имеют свою специфику на местах. Если объективно изучать процессы в регионах, то можно прийти к весьма интересным выводам⁵. Например, о том, что местная «демократия» может устанавливать свой порядок и гарантировать устойчивость и безопасность в определенных размерах. Эта «местная демократия» совсем не похожа на западные образцы. Тем не менее, она может быть лучше всего адаптирована к местным географическим и историческим условиям, наиболее эффективно предотвращает острые конфликтные ситуации и всплески насилия. Конечно, ее ни в коем случае нельзя идеализировать. Но и сбрасывать ее со счетов и делать усилия на «прививку» чуждых институтов (что собственно и происходило в 1990-е годы и нередко повторяется сейчас) не эффективно. Государство себя обманывает, перенимая чужие, созданные нередко в западных странах, законы, которые не используются. Оно тратит усилия и время на то, чтобы обойти эти, созданные в других условиях законы и институты. Такие нелегкие пути, повышающие транзакционные издержки, предлагаются, как правило, элитами. Возможность совместного и взаимовыгодного функционирования нескольких правовых систем задвигается в научные области. Но, как показали, исследования, государственное право, традиционные нормы могут эффективно взаимно дополнять друг друга в определенных ситуациях⁶.

---

⁵ Кёлер Ян, Гуня Алексей. Индуктивный и институционально ориентированный подход к исследованию конфликтов. В книге: От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Под ред. Яна Кёлера, Алексея Гуня и Мурата Шогенова. Берлин-Нальчик. Издательство КБГУ 2014. С. 9-43.

⁶ От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития: сборник научных трудов. Выпуск 2 /под ред. Я. Кёлера, А. Гуня, М. Шогенова. - Нальчик: Каб. Балк. ун-т, 2014. Бабич И. Л. Правовой плюрализм на Северном Кавказе. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №133. М., Институт этнологии и антропологии РАН. 2000.

г) **Мусульманский экстремизм на Северном Кавказе.** Религия не является доминирующей идентичностью на Северном Кавказе и, по сути, никогда не лежала в основе насильственных конфликтов. Проникший извне «чистый ислам» вошел в острые противоречия с местными традициями и духовными ценностями, в том числе с суфизмом, нормами адата, почитанием Единого Бога (для многих этносов это – дохристианский и домусульманский пласт).

д) **Высокий уровень насилия.** Несмотря на угрожающие сводки с Северного Кавказа, каждый, кто часто посещает этот регион, может с полной уверенностью утверждать, что уровень физической безопасности здесь не ниже, а, возможно, и выше, чем в Москве или других городах центра России. Необходимо понимать, что имеются объективные различия в типах и уровне акцептированного местным сообществом насилия. На Северном Кавказе уровень бытового хулиганства ниже, чем в других регионах, в то время как ожесточенная борьба клановых группировок может быть выше. Не исчезли также и традиционные механизмы регулирования конфликтов, такие как кровная месть и др., которые акцептируются местным сообществом.

3. Какие стратегии и модели регулирования национальных отношений имеются в России, в том числе, применительно к Северному Кавказу.

Построение эффективного российского общества, в котором уживаются множество культур и идентичностей, требует тщательно продуманной стратегии, опирающейся на научно обоснованные модели, учитывающие местные условия, характер и историю становления различных идентичностей (этносов, религиозных конфессий и др.), способы сплочения различных социальных групп и др. Известные модели, такие как «плавильный котел», мультикультурализм, советский интернационализм и др., сыграли определенную роль в тех или иных странах в разные исторические периоды, но вряд ли могут быть идеальными примерами для подражания. Для современной России с ее огромным территориальным и историческим разнообразием идентичностей поиск оптимальной модели связан, прежде всего, с необходимостью избежать острых насильственных конфликтов и

дезинтеграции страны. В современном мире с его глобализационными процессами, навязыванием унифицированных идеологий и норм уникальное этнокультурное разнообразие России должно служить также сплочению страны и эффективному использованию человеческого капитала. Особое место в выработке оптимальной модели занимает опыт Северного Кавказа.

Северокавказская модель интеграции народов и культур существует уже много столетий. Она возникла естественным путем, на основе исторического опыта взаимоотношения различных этнических и конфессиональных групп. Согласно Тишкову В.А. (2012), интеграция предполагает взаимные шаги навстречу, право пребывания в нескольких культурах, многоязычие и др.⁷ Важнейшим индикатором эффективности той или иной модели является наличие институционального регулирования конфликтов, исключающего насилие или сводящего его применение к минимуму (в рамках акцептированного населением насилия).

Для чего нужны эти и другие стратегии? Сделать общество послушным и эффективно управлять им? Или же дать высвободиться той энергии, которая заложена Создателем в разнообразии языков и культур? Искусственная, навязанная сверху и в той или иной степени закрепленная идентификация, результатами которой является априори заданная классификация этнических и других социальных групп, часто выгодна государству, которое стремится установить свой контроль. Государство (а также транснациональные корпорации, союзы и блоки) заинтересовано в упрощении действительности для удобства управления, контроля и учета⁸. Гетерогенный по своим культурным, историческим, географическим и другим особенностям Северный Кавказ представляет собой объективное разнообразие условий, при которых унификация внешних управленческих регуляторных функций и решений затруднено и далеко не всегда эффективно. Как показывает история, попытки унифицировать властную вертикаль требовала огромных усилий на содержание структур по контролю и санкциям. Внедрение же готовых образцов демократии в последние десятилетия часто приводило к высоким транзакционным

---

⁷ Тишков В.А. Реформирование этнической политики в России. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М. ИЭА РАН, 2013. С.13-18.

⁸ James C. Scott. Seeing like a state. Yale University Press: 1998.

издержкам, а, порой, и к конфликтам. Социальная инженерия и конструирование этносов и наций привели к частичному закреплению в обществе и сознании людей этнической идентичности. Она фигурирует в административно-территориальном делении, структуре переписи населения, при заполнении многочисленных анкет в графе «национальность».

Для того, чтобы разобраться в объективных процессах образования группирования необходимо различать группы идентичностей (мы-группы) и стратегические группы. Группы, сформированные по принципу идентичности, такие как семьи, кланы, племена, этнические группы, базируются на понимании того, кто есть мы и кто есть они. В определенных ситуациях группы, основанные на идентичности, способны на коллективные акции, даже если у них слабая формальная организация. Для анализа конфликтов важнейшим свойством мы-групп является степень их агрессивности по отношению к другим группам и предпочитаемая ими стратегия отношений, которая выражается в интеграционных, конкурентных или параллельных формах и институтах⁹. Спектр мирных стратегий по разрешению конфликтных ситуаций, возникавших среди различных народов на Северном Кавказе, достаточно широк и включает в себе институты аталычества, побратимства, куначества, покровительства, кровной мести, кровного братства и др.¹⁰. Антропологические исследования показывают, что далеко не все из этих форм изжили себя. Многие из них играли важную роль в советское время и продолжают играть сейчас¹¹.

Стратегическими группами являются актеры, которые формируются за счет общих стратегических интересов по эксплуатации специфических материальных и нематериальных ресурсов. Стратегические группы состоят из лиц, которые объединяются благодаря совместным интересам в сохранении или расширении совместных шансов обладания теми или иными ресурсами. Эти шансы нацелены не только на материальные ресурсы, но и на власть. Совместные интересы способствуют стратегическим действиям на основе

---

⁹ Х. Цюрхер Мультикультурализм и этнополитический порядок: некоторые методологические замечания. Журнал Полис. 1999 № 6.

¹⁰ Кажаров В.Х. 1994. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце 18 - первой половине 19 века. Нальчик, Эль-Фа, 438 с.

¹¹ См. Koehler Jan. 2000. Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien. Münster: Lit.; Koehler Jan. 1999. Parallele und integrierte Rechtssysteme in einer postsowjetischen Peripherie: Swanetien in Hohen Kaukasus. In: G.Elwert, J.Echert, E.Albert, et. al. (eds.). Prozesse und Institutionen der Konfliktregelung in Bodenkongflikten.

долгосрочных целевых установок по сохранению и даже улучшению возможностей удержаться у власти или сохранить контроль за ключевыми материальными ресурсами¹².

Организационные формы и коллективные действия, взятые на вооружение стратегическими группами, имеют существенную информационную подпитку со стороны общих интересов. В этом они принципиально различаются от формирования групп идентичности. Стратегические группы возникают вследствие того, что они точно знают, чего хотят и надеются достичь этого, благодаря кооперации. Спустя время, стратегические группы могут консолидироваться, развив, например, корпоративную идентичность и вследствие этого становятся ближе к мы-группам. Такие трансформации, установленные в результате эмпирических исследований, являются важными индикаторами, помогающими вовремя понять изменения в логике поведения стратегических групп в конфликте.

Исследование стратегических групп является особо важным при изучении конфликтов вследствие двух особенностей их формирования: наличие стратегических интересов в отношении ресурсов, а также желание оспаривать и реализовать эти стратегические интересы коллективно. Такие особенности предполагают наличие соперничества внутри стратегических групп, т.е. они являются потенциально конфликтными группами.

Концепция стратегических групп была вначале разработана для выявления ключевых актеров, действующих как некие агентства по изменению в таких макроструктурах, как государство, национальная экономика или даже международные системы. Однако в последующем она с успехом начала применяться и для выявления динамики формирования групп при споре за ресурсы на локальном уровне.

Степень объединения в группы может быть представлена широким спектром: от всеобъемлющей и неоспариваемой принадлежности к группам через корпоративные и ситуативные групповые организации, к «спящим» сетевым отношениям, которые могут послужить основой для формирования групп в

---

¹² Evers, Hans-Dieder/Schiel, Tilman 1988: Strategische Gruppen. Vergleichende Studien zu Staat, Bürokratie und Klassenbildung in der Dritten Welt, Berlin, Reimer.

результате соответствующих активаций. В настоящее время четких индикаторов, которые сообщают о степени интеграции групп в конфликте, нет, как нет и общих правил, чтобы провести различие и установить, что, например, группы по идентичности более сильные, чем группы по интересам. Ссылка на некий общий здравый смысл вовсе не дает оснований считать группы идентичности более устойчивыми и менее изменчивыми, чем группы по интересам или стратегические группы¹³.

4. Роль государства в регулировании межгрупповых отношений

Регулирование межгрупповых конфликтов находится в тесной зависимости от (а) особенностей самоорганизации того или иного сообщества, (б) имеющегося в нем самоуправления и (в) собственно внешнего управления¹⁴, которое чаще всего обеспечивается государством (в некоторых случаях также внешней интервенцией, например, международных сил, обеспечивающих мирное выполнение обязательств). Под самоорганизацией (self-organization) понимаются процессы регулирования социальной жизни, которые не закреплены в формальных институтах. Самоуправление (self-management) осуществляется на основе институтов, которые имеют уже формальный статус, но, строго говоря, не являются государственными. Их роль возрастает в условиях слабой государственности. В некоторых случаях институты местного самоуправления берут на себя большинство функций, которых должно выполнять государство. Наконец, собственно управление основывается на государственных институтах, которые призваны органически дополнять самоорганизацию и самоуправление, но в реальности часто происходит дублирование, конкурирование или же вовсе – уничтожение имевшихся форм самоорганизации и самоуправления. В некоторых случаях собственно управление делегируется другим актерам, например, международным организациям.

---

¹³ Elwert, Georg 1997: Switching of We-Group Identities: the Alevis as a Case Among Many Others, in: Kehl-Bodrogi/Otter-Beaujean/Kellner-Heinkete (Eds.): Syncretistic Religious Communities in the Near Past. Studies in the History of Religions, Brill, Leiden, New York, Köln, 65-86.

¹⁴ Гуня А.Н. Трендовые изменения и развитие горного региона: методология, географический анализ и возможности управления. Нальчик, КБНЦ РАН. 2004..

О собственно управлении, как внешнем регулирующем факторе, его позитивных и негативных сторонах и уроках на Кавказе написано много. Правда, в последние десятилетия ему дается больше отрицательная оценка. Еще живы в памяти северокавказских народов последствия русско-кавказской войны, миграции адыгских народов за пределы Северного Кавказа, сталинские выселения в 1943-44 гг., наконец, недавняя война в Чечне. Беспристрастная оценка роли управления и государства в конфликтах представлена в литературе гораздо меньше¹⁵. Все попытки изменить управление за счет того, чтобы потеснить Россию на Северном Кавказе (международные наблюдатели, доноры и т.д.) оцениваются российской стороной как крайне нежелательными. Значительно меньше в современных работах по конфликтам обращается внимание на два других аспекта государственности: самоорганизацию и самоуправление. В основном они анализировались только с исторической точки зрения¹⁶. Лишь относительно недавно появились исследования, освящающие роль традиционных институтов в современном государстве¹⁷. Роль и функции государства на локальном уровне еще не до конца установлены¹⁸. В законе о местном самоуправлении существуют противоречия¹⁹. В самые тяжелые годы кризиса государство предпочло отмежеваться от местного уровня. В результате без поддержки оказались колхозы и совхозы, социальная инфраструктура на локальном уровне и т.д. Роль самоуправления на нынешнем этапе трудно переоценить. В условиях переходного периода строительства государственности на него легли основные заботы по обеспечению стабильности на локальном уровне. Государство же часто делает вид, что все происходящее является следствием государственных мероприятий.

---

¹⁵ Zürcher, C. (2002). *Institutionen und organisierte Gewalt. Konflikt- und Stabilitätsdynamiken im (post-)sowjetischen Raum*. Berlin: Habilitationsschrift, Fachbereich Politik- und Sozialwissenschaft der Freien Universität Berlin.

¹⁶ Адат. Кавказский культурный круг. Традиции и современность. Международный НИИ народов Кавказа. Москва-Тбилиси, 2003. Кажаров В.Х. 1994. Традиционные общественные институты кабардинцев и балкарцев. Нальчик, Эль-Фа.

¹⁷ Бабич И. Л. Правовой плюрализм на Северном Кавказе. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №133. М., Институт этнологии и антропологии РАН. 2000; Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990). Москва, Институт этнологии и антропологии РАН. 1999. 238 с.

¹⁸ Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ. Москва, Авиаиздат, 2001.

¹⁹ Тишков В. Местное управление в сложном обществе: российский опыт. В кн. Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ. Москва, Авиаиздат, 2001. С 3-22.

Другая точка зрения, отличающаяся переоценкой возможностей нынешнего самоуправления и самоорганизации, гораздо меньше представлена в литературе. Так, в некоторых публикациях механизмы самоорганизации и самоуправления оцениваются для современной Чечни как единственно возможные в современных условиях, чтобы прекратить войну²⁰.

Таким образом, изучая межгрупповые отношения, необходимо говорить о комплексе регулирующих конфликты механизмах, не ограничивающихся государством. В реальной эмпирической действительности следует говорить о государственности, под которой понимается тесное сочетание и взаимодействие государственных, неформальных и традиционных институтов. «Ткань» государственности составляют институты, которые согласно классическому определению представляют «правила игры» и регулируют повседневную деятельность и в том числе конфликтные ситуации на региональном и локальном уровнях. Еще во времена СССР признавались адатные правила землепользования, некоторые правила, связанные с гражданскими делами и др. Стремление к обоюдной пользе лежит в основе образования тандемов внешнего и внутреннего, нового и старого, традиционного и инновационного²¹.

Эффективное управление межгрупповыми отношениями обеспечивается за счет вовлечение в государственность институтов самоорганизации и самоуправления, типичных для локального уровня. В условиях стресса роль институтов самоорганизации и самоуправления повышается. Этот опыт, по всей видимости, может быть полезен и для остальной России. Реальные самоуправленческие функции должны быть обеспечены православным общинам.

---

²⁰ Нухаев Х-А. Чеченцы должны самоопределиться как Нохчи. Выступление Хож-Ахмеда Нухаева на съезде тейпа Ялхой. В кн: Адат. Кавказский культурный круг. Традиции и современность. Международный НИИ народов Кавказа. Москва-Тбилиси, 2003. С. 128-149.

²¹ Гуня А.Н. Северный Кавказ: распределение ресурсов и власти на локальном и региональном уровнях. *Berliner Osteuropa Info*. № 21, 2004. С. 83-88.

5. Влияние северокавказского тренда на трансформацию и динамику идентичности в центральной части России.

Интенсивная миграция с Северного Кавказа и неизбежные контакты культур имеют свою специфику на нынешнем этапе развития общества. В контексте западноевропейских рисков и трендов разрушения традиционных устоев семьи, общинных структур, модернизации гендерного аспекта и др. традиционные нормы и устои северокавказских народов имеют большое значение для всех россиян. В особенности это касается сохранения семьи, института брака, почитания старших и др. Вызванные глобализационными процессами конфликты поколений и молодежное движение с дефицитом целевых установок породили как на Северном Кавказе, так и в центральной части России так называемую экономику престижа, когда различные социальные группы молодежи самостоятельно выбирают те или иные престижные ориентиры – мечеть (церковь), автомат Калашникова, джип и др. Очевидно, что некоторые из этих ориентиров искусственно сконструированы и принадлежат определенным стратегическим группам, борющимся за влияние в молодежной среде. Ориентации в этом сложном мире различных ориентиров помогают установленные маркеры и стигмы, подчеркивающим стратегическую направленность и особенность того или иного индивидуума. На этом направлении борьбы за души молодежи православная церковь могла бы тесно сотрудничать с общественными и религиозными организациями Северного Кавказа.

Конструирование мы-групп, как своеобразное восполнение дефицитов идентичности, возникших в условиях нахлынувших новых идей, систем ценностей, информации, должно регулироваться гражданским обществом совместно с государством. Глобализационные процессы открыли ряд новых соблазнов для представителей различных идентичностных систем: этнических, гендерных, возрастных, конфессиональных др. Однако регулирование в этой области вряд ли должно ограничиваться лишь запретами. Грубый социальный инжиниринг, конструирование идентичностей «сверху», вплоть до запрещения индивидуальных свобод – также тупиковый путь, ведущий к социальному взрыву.

Регулирование идентичностных процессов тесно связано с проявлением насилия и манипулированием социальными группами. Местные формы группового насилия – погромы или борьба за передел сфер влияния и за власть – имеют широкое распространение в полиэтнических сообществах. Однако причислять их однозначно к этническим конфликтам было бы опрометчиво, поскольку этническая составляющая конфликта может быть лишь прикрытием глубинных противоречий и провокаций. Возникшие в последние десятилетия конфликты в центральной части России с участием кавказцев было бы ошибочно причислять к этническим. Каждый из этих конфликтов представляет собой некую ширму, за которой вскрываются глубокие социально-экономические и политические противоречия и манипулирование идентичностными ресурсами для достижения целей отдельных лидеров и стратегических групп.

Заключение.

Современные реалии показывают, что население России и, в особенности русских, уменьшается. За счет миграций меняется национальный и конфессиональный состав. Различие между желаемой "русской" идеей построения идентичности и реальными процессам огромные. Поэтому так необходим дальнейший диалог ученых, философов, богословов. По-видимому, необходимо определить как, какими путями мы можем достигнуть желаемых состояний российского общества, в которых русское православное ядро могло бы занимать заслуженное комфортное место и стать ведущим в формировании российской идентичности. Плюсами такого интегративного направления является возможность объединить полинациональные и поликультурные сообщества России вокруг русского православного ядра. Именно поликультурные сообщества обладают той устойчивостью, которая так нужна в настоящем глобализационном и деструктивном мире, в котором моноэтнические, монокультурные сообщества поглощаются другими.

Формирование мировоззренческого концепта должно опираться на вероучительные основы - Любви к ближнему. А отсюда: компромисс, терпимость (но не равнодушие в западном понимании так называемой

толерантности), обмен мнениями между различными слоями общества и группами идентичности.

Следует уделить большое внимание изучению современных процессов образования новых идентичностей как стратегических групп для достижения определенных (как правило, политических или экономических) целей. В этом случае идентичность часто выступает как ресурс. Необходимо внимательно относиться к традиционным институтам регулирования конфликтов, поддержать институт медиаторства. Русский язык - могучий объединяющий фактор, который служит не только языком межнационального общения, но и средством распространения научных, философских и религиозных идей. Учитель русского языка – дефицит, особенно в Чечне, где стремление к русскому языку в условиях моноэтничности наиболее заметное. Необходима организация молодежных школ с широким участием студентов из различных регионов Северного Кавказа, укрепление общественных организаций и сетей сотрудничества, которые могли бы поддержать развитие государственности в этом регионе. В качестве успешного примера создания и функционирования общественных сетей можно считать Северокавказское научное сотрудничество ученых и политиков, заинтересованных в эффективном взаимодействии науки, политики и экономики на Северном Кавказе²².

Литература

1. Адат. Кавказский культурный круг. Традиции и современность. Международный НИИ народов Кавказа. Москва-Тбилиси, 2003. Кажаров В.Х. 1994. Традиционные общественные институты кабардинцев и балкарцев. Нальчик, Эль-Фа.
2. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990). Москва, Институт этнологии и антропологии РАН. 1999. 238 с.
3. Бабич И. Л. Правовой плюрализм на Северном Кавказе. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №133. М., Институт этнологии и антропологии РАН. 2000.
4. Гуня А.Н. Северный Кавказ: распределение ресурсов и власти на локальном и региональном уровнях. Berliner Osteuropa Info. № 21, 2004. С. 83-88.

---

²² <http://ncgeo.wordpress.com>

5. Гуня А.Н. Трендовые изменения и развитие горного региона: методология, географический анализ и возможности управления. Нальчик, КБНЦ РАН. 2004. 224 с.
6. Кажаров В.Х. 1994. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце 18 - первой половине 19 века. Нальчик, Эль-Фа, 438 с.
7. Кёлер Ян, Гуня Алексей. Индуктивный и институционально ориентированный подход к исследованию конфликтов. В книге: От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Под ред. Яна Кёлера, Алексея Гуня и Мурата Шогенова. Берлин-Нальчик. Издательство КБГУ 2014. С. 9-43.
8. Колосов В.А., Себенцов А.Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис. 2014. №2. С. 146—163.
9. Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ. Москва, Авиаиздат, 2001.
10. Нухаев Х-А. Чеченцы должны самоопределиться как Нохчи. Выступление Хож-Ахмеда Нухаева на съезде тейпа Ялхой. В кн: Адат. Кавказский культурный круг. Традиции и современность. Международный НИИ народов Кавказа. Москва-Тбилиси, 2003. С. 128-149.
11. От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития: сборник научных трудов. Выпуск 2 /под ред. Я. Кёлера, А. Гуня, М. Шогенова. - Нальчик: Каб. Балк. ун-т, 2014.
12. Тишков В. Местное управление в сложном обществе: российский опыт. В кн. Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ. Москва, Авиаиздат, 2001. С 3-22.
13. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Москва. Наука, 2003.
14. Тишков В.А. Реформирование этнической политики в России. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М. ИЭА РАН, 2013. С. 13-18.
15. Х. Цюрхер Мультикультурализм и этнополитический порядок: некоторые методологические замечания. Журнал Полис. 1999 № 6.
16. Elwert, Georg 1997: Switching of We-Group Identities: the Alevis as a Case Among Many Others, in: Kehl-Bodrogi/Otter-Beaujean/Kellner-Heinkete (Eds.): Syncretistic Religious Communities in the Near Past. Studies in the History of Religions, Brill, Leiden, New York, Köln, 65-86.
17. Evers, Hans-Dieder/Schiel, Tilman 1988: Strategische Gruppen. Vergleichende Studien zu Staat, Bürokratie und Klassenbildung in der Dritten Welt, Berlin, Reimer.
18. James C. Scott. Seeing like a state. Yale University Press: 1998.
19. Koehler Jan. 1999. Parallele und integrierte Rechtssysteme in einer postsowjetischen Peripherie: Swanetien in Hohen Kaukasus. In: G.Elwert, J.Echert, E.Albert, et. al. (erds.). Prozesse und Institutionen der Konfliktregelung in Bodenkonflikten.

20. Koehler Jan. 2000. Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien. Münster: Lit.;
21. Yemelianova Galina M. 2005. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies. Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. Ethnicities, Vol. 5(1). PP. 51-82.
22. Zürcher, C. 2002. Institutionen und organisierte Gewalt. Konflikt- und Stabilitätsdynamiken im (post-)sowjetischen Raum. Berlin: Habilitationsschrift, Fachbereich Politik- und Sozialwissenschaft der Freien Universität Berlin.

Gunya Alexey Nikolaevich

Senior scientist, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, doctor of geography, professor of St Tikhon Orthodox Humanitarian University (Moscow), professor of North Caucasian high college of conflictology (Nalchik)

Inter-group relation and identity conflicts: stereotypes and realities on example of the North Caucasus

Summary. The North Caucasus is one of forth most important interaction zones on the periphery of Russian cultural space where intensive identity and value conflicts take place. The both positive and negative experiences of regulation of inter-group relations and identity conflicts in the North Caucasus are of consequence for the whole Russia. The construction of negative image of the North Caucasus in mass media prevents using of this rich experience in the fields of intermediary, interethnic and interreligious relations.

Key words: identity, conflict, ethnic identity, strategic groups.